

Ноева Саргылана Еремеевна

СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА "ЗЕМЛЯ" КАК ОСНОВНОГО ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Целью предлагаемой статьи является изучение репрезентативности концепта земли через призму дихотомии "своего - чужого" в контексте проблемы региональной идентичности на примере якутской литературы. В статье анализируются ассоциативные ряды концепта "земля" как основного понятия культурного ландшафта Севера, что, помимо специфики художественного мышления, достаточно объемно выявит особенности этнопсихологического сознания. Исследование подобного ракурса, недостаточно изученного в национальной литературе, в полной мере будет способствовать выявлению уникальных художественных маркеров авторской идеи, также раскрытию образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

отнодь не эгоистичен и хочет казаться порядочным, однако, в сущности, он также себялюбив и безответственен, как и девушка. Отлично понимая, что серьезные отношения с ней для него невозможны, он тем не менее заводит с Джордан интрижку, но вынужден согласиться, что ее упрек справедлив, когда она, говоря о легкомысленности своего неверного предположения, указывает Нику на безответственность его поведения: *“I mean it was careless of me to make such a wrong guess”* [Ibidem, p. 113]. Фактически, к нему приходит осознание неверно избранного им пути, что и не дает рассказчику превратиться в законченного эгоиста.

Тем не менее большинство героев романа крайне безразлично относятся к окружающим. Они максимально сосредоточены только на собственном «Я», не замечая, что уничтожают все вокруг, а значимыми для этих людей являются лишь их капиталы. Все они – порождение бесплодной земли – нового мира, в котором многие начинают морально деградировать. Забота только о себе – это «увечье» данных представителей американского общества, что в конечном счете приводит к упадку морали процветающей страны, в которой они живут.

Список источников

1. Баранова К. М. Истоки лейтмотива трудолюбия в литературе колониального периода // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 11 (67). С. 242-247.
2. Баранова К. М. Основные идейные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII-XVIII веков. Становление традиций в литературе США: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011. 44 с.
3. Мамошина В. С. Способы языковой объективации абстрактных концептов в американской художественной литературе (на материале романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»): дисс. ... к. филол. н. М., 2015. 195 с.
4. Савинич С. С. Роман Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: парадоксы Американской мечты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». Вып. 4. С. 150-154.
5. Barnhart B. E. Jazz in the Time of the Novel: The Temporal Politics of American Race and Culture. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2013. 252 p.
6. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 02.10.2017).
7. Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Ware: Wordsworth Editions Ltd, 2001. 122 p.
8. Weston J. L. From Ritual to Romance [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/fr/index.htm> (дата обращения: 02.10.2017).

MOTIVE “WASTELAND” IN F. S. FITZGERALD’S NOVEL “THE GREAT GATSBY”

Nefedova Ol'ga Igorevna
Moscow City University
olgonavt@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the realization of the motive “wasteland” in the novel “The Great Gatsby” by the classic of the American literature, writer F. S. Fitzgerald. It examines the origin of this motive, the peculiarities of its interpretation in terms of the interaction with the American national ideas and images of the changing world at the beginning of the XX century. The study shows that in the novel the motive under analysis generates the interaction of the following oppositions: infertility versus fertility and wildness versus civilization. The article proves that egoism belongs to the core of the analyzed motive and is one of the main reasons for the degeneration of the society modern to the writer.

Key words and phrases: F. S. Fitzgerald; motive; myth; wasteland; wild expanses; Century of Jazz.

УДК 821.512.157

Целью предлагаемой статьи является изучение репрезентативности концепта земли через призму дихотомии «своего – чужого» в контексте проблемы региональной идентичности на примере якутской литературы. В статье анализируются ассоциативные ряды концепта «земля» как основного понятия культурного ландшафта Севера, что, помимо специфики художественного мышления, достаточно объемно выявит особенности этнопсихологического сознания. Исследование подобного ракурса, недостаточно изученного в национальной литературе, в полной мере будет способствовать выявлению уникальных художественных маркеров авторской идеи, также раскрытию образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Ключевые слова и фразы: геопозитика; культурный ландшафт; свой – чужой; центр – периферия; концепт земли; граница.

Ноева Саргылана Еремеевна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
Nosaer37@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «ЗЕМЛЯ» КАК ОСНОВНОГО ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Север как уникальный регион по своему геополитическому, природно-ландшафтному, физико-географическому, социально-экономическому, историко-культурному, национально-этническому значению занимает особое

место на карте мира. И потому проблема северной земли, «освоения» ее культурных территорий имеет высокую степень актуальности в разных исследовательских контекстах, в том числе в литературоведческих трудах.

Адаптация человека к жизни на севере происходила через приспособление его к деятельности, связанной с постижением земли. Это ремесленничество, кочевое оленеводство, охота, рыболовство, отгонное скотоводство, собирательство, мотыжная обработка земли и др., полноценное освоение которых реализуемо только при условии открытости сознания пространству Севера. То есть возникает обратный механизм, когда человек, модифицируя ландшафт, изменяя естественный облик земли, таким образом, максимально приспособившись к среде, трансформируется сам внутренне. Эта трансформация, произошедшая с северным человеком, заключающаяся в духовно-нравственном обогащении, изменении его восприятия мира, который, в свою очередь, предстал из основ своей среды, из земли («буор саха» – букв. «человек из земли») есть языковая формула, используемая при определении («истинный якут»), не могла не отразиться в народном фольклоре и литературе.

Образ родной земли, ее роль в жизни и творчестве писателя также может рассматриваться в качестве целостного аксиологического поля. На перспективность исследований по данной теме указывают все расширяющиеся направления научных изысканий в сфере новых научных дисциплин, геокультурологии, культурной географии, литературоведческой географии и т.п., берущие начало от понятия «культурного гнезда», которое было предложено Н. К. Пиксановым в 1913-1923 гг. К примеру, уникальной смысловой наполненностью выделяются топологические реалии села Михайловское у А. С. Пушкина, усадьбы Ясная Поляна у Л. Н. Толстого, села Константиново у С. А. Есенина, Кавказа для А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и т.д. Точно так же, в качестве своеобразного микрокосмоса, в якутской культуре могут рассматриваться такие знаковые местности, как Дэлбэрийбит, Татта, Быттыт, Бюер алас, река Лена, река Виллой, Бор алас и др., где сформированы зачатки индивидуально-авторского «я» якутских писателей А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, И. М. Гоголева, братьев Даниловых и многих других, актуализированы оригинальные черты личности, их творческие принципы, субъективное мировидение, то есть все жизненные установки писателей.

Так, уникальная природно-географическая территория северной земли с давних пор является объектом описания, повествования в художественной литературе. «Земля» в якутских текстах создает целый ряд ассоциаций, образующихся, в свою очередь, в самостоятельные концепты: снег, холод, вечная мерзлота, бескрайние равнины, белый цвет, сохранность, чистота и т.п.

Характеризуя особенности геопозитического дискурса, стоит уяснить, что в отношении концепта земли в художественных текстах активно функционирует система бинарности, которая включает следующие оппозиционные структуры: свой – чужой, центр – периферия, далекий – близкий, холодный – теплый, верх – низ, север – юг, день – ночь, тепло – холод, тьма – свет, жизнь – смерть, хаос – порядок, война – мир, свобода – неволя, небытие – вечность и т.д. Бинарные оппозиции «свой – чужой», как противостоящие смысловые структуры в пределах проблемы «границы» пространства (Ю. М. Лотман), отражают координированность в мире: а именно показывают территориальную соотнесенность, национальную идентичность, также культурно-эстетические предпочтения человека [3, с. 257]. Поэтому в контексте проблемы региональной идентичности будет интересно проанализировать через призму дихотомии «своего – чужого» произведения местных писателей, родившихся и живущих в Якутии, и людей, описывающих северный край с позиции наблюдателя, первооткрывателя, но «чужого», не прикрепленного к этой местности.

В произведениях исследователей, писателей, других общественных деятелей иной национальности конца XIX века, по каким-либо причинам избравшим предметом описания северный край (В. Г. Тан Богораз, А. А. Бестужев-Марлинский, В. Г. Короленко, В. Л. Серошевский и др.), северная земля, подвергаясь осмыслению в основном через понятие «чужбины», имеет в художественных текстах такие смысловые параллели, как сибирская земля, северный край, сибирская окраина, «тюрьма без решеток», чужая, другая земля.

К примеру, в художественной системе произведений польского этнографа, писателя В. Л. Серошевского сибирского периода, который представлен рассказами «Осень», «Украденный парень», «Хайлак», «В жертву богам» (1890-1895), повестями «На краю лесов» (1896), «Предел скорби» (1900), «Побег» (1902), особую смысловую нагрузку несет концепт «край», который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Данный ассоциативный ряд порождает новые смысловые параллели: холод, смерть, жизнь, борьба. В свою очередь, из этого смыслового ряда возникают следующие смысловые ассоциации – чужой, холодный, мрачный, непонятный, застывший, забытость, смерть, неподвижность, покой, характеризующие состояние истосковавшегося по родине одинокого героя.

Здесь мы согласны с мнением В. И. Тюпы, который в статье «Сибирский интертекст русской литературы» отмечает, что Сибирь в российском культурном сознании обретает характеристики и свойства мифологической страны мертвых [4, с. 254]. Специфика негативного восприятия картины Севера у русских писателей, бытописцев, посетивших Якутский край, также была отмечена другими исследователями [1, с. 15; 2].

Реальное географическое пространство наделяется В. Серошевским фантастическими признаками мистического, живущего своей жизнью, ужасающего, призрачного иномира. Шайтан-тумул (Лес дьявола), Мыс мертвых, Царство озер и лесов, царство зимы, Край лесов, полярный лес – кладбище леса, поле битвы, умирающий лес, столица пустынь (Джурджуй).

Характерной приметой северной земли у неместных писателей («Сон Макара», «Мороз», «Ат-Даван», «Огоньки», «Государевы ямщики», «Феодалы» В. Г. Короленко; «Предел скорби», «Хайлак» В. Л. Серошевского; рассказы В. Г. Тан-Богораз, включенные в книги «Чукотские рассказы», «Колымские рассказы», и др.) является хаос окружающего мира, который выражается в неотвратимом процессе увядания природы,

в страшных условиях быта бедняков, медленной смерти больных проказой, картине разложения, тления, полного распада жизни, то есть наблюдается восприятие Севера в качестве минус-пространства, как сферы смерти, увядания, конца.

Хтоническая земля полностью поглощает чужого, постороннего в этом краю, кем представлен автор этих произведений. Поэтому можно утверждать, что мотив поглощения земли как образное воспроизведение экзистенциального одиночества, отчуждения сознания у героев Короленко, Тан-Богораза, Серошевского может трактоваться как образ обреченности и означать отрицание героем-изгнанником окружающего его пространства.

Качественно другого уровня геопоэтическая рефлексия, отсылающая к мифологическому освоению мира, появляется в зарождающейся якутской литературе начала XX в. Так, в произведениях первых писателей в проекции «**своего**», «**родного**» мира возникают поразительные по своим масштабам, панорамные, космизированные образы земли, в которых реализуются архаические структуры мышления, отраженные в сознании человека новой эпохи (поэмы «Сновидение шамана», «Наступление лета», «Дары реки» А. Е. Кулаковского, «Разговор великих гор» А. И. Софронова, драматическая поэма «Красный шаман», повесть «Великий Кудангса» П. А. Ойунского и др.).

Поэтика северной земли получает совершенно оригинальное раскрытие в поэзии одного из основоположников якутской литературы А. И. Софронова («Родина», «Разговор Великих гор», «Судьбы великих гор», «Дух земли» и др.): подчиненная единому центральному концепту «родина», она способствует глубокому отражению проблемы судьбы человека нового времени. В выявлении сущностных трансформаций души: тоски по родной земле, любви, вдохновения и боли за судьбу народа и пр. – в качестве доминирующего приема изображения активно используется образ родной северной земли.

В целом стоит уточнить, что в произведениях зачинателей якутской литературы дискурс земли рассматривается в непосредственной связи с существенной экзистенциальной проблемой, касающейся выживания народа, то есть изначально ретроспектива функционирования данного концепта была раскрыта на наиболее глубоком философском уровне.

Касательно якутской прозы первой трети XX столетия (К. О. Гаврилов, А. А. Иванов-Кюндэ, Н. Д. Неустроев, А. И. Софронов-Алампа, П. А. Ойунский, С. С. Яковлев-Эрилик Эристин, Д. К. Сивцев-Суорун Омоллоон, Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа и др.) стоит отметить, что значительность и имманентность образа земли в якутской прозе XX века с самых ранних произведений должны быть приняты во внимание при рассмотрении вопроса о национальном сознании, ментальных характеристиках носителя языка, создающего национальную картину мира. В первых рассказах актуализируются традиционные сюжетные линии, касающиеся этого концепта: это описание деятельности, так или иначе связанной с землей (землепашество, сенокос, рыболовство и др.).

В прозе П. А. Ойунского довольно ярко получает раскрытие концепт зимы как основной составляющей якутской геотопики («Великий Кудангса», «Сердце», «Дорогунов Николай»). Земля в его прозе есть макрокосм, центральное понятие, моделирующее отношения человека и общества.

В рассказах прозаика Н. Д. Неустроева («Рыбак», «Дикая жизнь» и др.) родная земля, природа, быт якутского человека становятся предметами эстетической и философской рефлексии. Произведения отличаются тонкое мироощущение, острый психологизм. Человек-микрокосм в прозе писателя отчужден от мира. Однако, хотя он и находится на далекой земле, вдали от цивилизации, людей, он есть часть мира, поэтому герой Неустроева интуитивно чувствует все изменения, волнения, происходящие на «большой» земле.

Концепт земли, заключающий в себе глубокий подтекст в произведениях писателей дальнейшего периода, служит основным базисом для выражения авторской мысли и участвует в создании уникального «аласного» хронотопа. Проза этих писателей апеллирует к таким топологическим реалиям, как «деревня», «алас / елань», «летник», «лес», «балаган», «дорога», «сельские жители», «охота» и др. Эстетическая образность, проявляющаяся в описаниях северной природы, изображениях деревенских жителей, их быта, труда, в парадигме крепкой созидающей связи всех художественных объектов с землей, позволяет создать уникальную модель национального мира.

Таким образом, можно подытожить, что в произведениях якутских писателей реализован актуальный слой понятия «**свой**» (в противоположность понятию «**чужой**»), которое, как мы помним, функционировало в тексте писателей иной культуры) и включает такие художественные ассоциации концепта земли, как *свое, родное, теплое, материнское, прекрасное, близкое, безопасное* и т.д. Земля, реально ощущаемая, материальная субстанция, становится в их художественном тексте олицетворением и других абстрактных ценностных смыслов (земля – это родина, рождение, семья, любовь, надежность, защищенность, постоянство, жизнь, вечность и т.д.). Это позволяет утверждать, что земля есть концепт, выражающий не только общий ареал проживания, но и общность мироощущения, единый спектр аксиологических понятий для народов, живущих на Севере.

Список источников

1. **Бурцева Ж. В.** Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
2. **Иванова О. И.** Концепт «Сибирь» в прозе В. Г. Короленко [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.s-vfu.ru/?p=236> (дата обращения: 01.10.2017).
3. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
4. **Тюпа В. И.** Сибирский интертекст русской литературы // Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. С. 254-263.

**SPECIFICITY OF THE CONCEPT “LAND” AS THE BASIC NOTION OF NORTHERN CULTURAL LANDSCAPE
(BY THE EXAMPLE OF THE YAKUT LITERARY WORKS)**

Noeva Sargylana Eremeevna, Ph. D. in Philology
Institute for Humanities Research and the Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
Nosaer37@yandex.ru

The article aims to study the representativeness of the concept “land” through the prism of dichotomy “the native – the outsider” in the context of regional identity problem by the example of the Yakut literature. The paper analyzes associative lines of the concept “land” as the basic concept of the Northern cultural landscape. Such analysis allows the authors to identify clearly the peculiarities of ethno-psychological consciousness and the specificity of artistic thinking. Studies in this research area, insufficiently investigated in the national literature, will fully promote the identification of the unique artistic markers of author’s intention and help to reveal the image of a writer as a bearer of national self-consciousness.

Key words and phrases: geo-poetics; cultural landscape; the native – the outsider; center – periphery; concept of land; border.

УДК 8; 821.161.1

В статье поднимаются актуальные для современного общества вопросы отношения к людям с ограниченными возможностями. Авторы обращаются к произведению Шерон Дрейпер «Привет, давай поговорим», поскольку сама писательница, имеющая ребенка-инвалида, как никто другой понимает, какие трудности приходится преодолевать семьям с особыми детьми. Доказывается, что главные сложности носят не бытовой характер, а социальный – общество в большинстве своем не готово принимать таких людей как равных. Произведение Ш. Дрейпер может быть рассмотрено как обращение к «здоровому» социуму изменить свое отношение к инвалидам и наконец-то понять, что их «инаковость» не должна восприниматься как ущербность и неполноценность.

Ключевые слова и фразы: Ш. Дрейпер; художественная литература; норма и «инаковость»; инвалид; общество; школа; отношение; воспитание.

Павлова Татьяна Леонидовна, к. филол. н.

Желябина Алла Геннадьевна

Игонина Светлана Викторовна

Технический институт (филиал)

Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Нерюнгри

pavlova-sizykh@yandex.ru; alla_zhelyabina@mail.ru; cvetiki1@mail.ru

**МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ИНВАЛИДАМ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ш. ДРЕЙПЕР «ПРИВЕТ, ДАВАЙ ПОГОВОРИМ»)**

Человек с ограниченными физическими возможностями в стереотипном сознании общества – это человек, нуждающийся в помощи, сочувствии и сопереживании. При этом подобные представления не столько основываются на реальных знаниях об инвалидности, сколько формируются под воздействием средств массовой информации, культуры и разных видов искусства (литературы, кинематографа и др.).

Начиная с легенд и классических мифов до современной культурной традиции, большинство физически неполноценных персонажей окружены атмосферой «инаковости», которая создается через демонстрацию их ущербности. Именно по этой причине такие персонажи в массовой культуре редко играют главную роль. Как отмечает О. В. Симен-Северская, герои с инвалидностью «изображаются как бессильные и непривлекательные, и их физические несовершенства как олицетворение несчастья» [4, с. 241].

В сознании большинства эти люди так и остаются *другими*, не совсем полноценными, а часто ущербными, даже несмотря на предпринимаемые на разных уровнях попытки изменить отношение социума к людям с ограниченными возможностями, например создание «безбарьерной среды» или инклюзивного образования.

Подростковая литература также не оставила без внимания вопрос отношения к инвалидам. Дети с особыми потребностями становятся героями произведений отечественных авторов, например Т. Крюковой «Костя+ника», Е. Мурашовой «Класс коррекции», А. Лиханова «Солнечное затмение» и др. Однако эта тема является актуальной и для, казалось бы, благополучных зарубежных стран, в которых накоплен опыт и отлажен механизм социально-психологической адаптации людей с особыми потребностями.

В обществе все больше говорят не просто об интеграции, но об инклюзии детей-инвалидов, в первую очередь в системе образования. Как отмечают А. В. Захарова и Е. В. Ковалев, «главное отличие процесса инклюзии от процесса интеграции заключается в том, что в условиях инклюзивного обучения участники образовательного процесса меняют свое личное отношение к детям с ОВЗ, а идеология образования в свою очередь изменяется в сторону большей гуманизации учебного процесса» [2, с. 306].